

УДК: 821.161.1 – 312.1

Е.В. Дмитренко, канд.филолог.наук, доцент

Национальный педагогический университет им. В.Г.Короленко (Полтава)

**МОТИВНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ФИЛОСОФСКОГО
ПРОИЗВЕДЕНИЯ В.Ф.ОДОЕВСКОГО “РУССКИЕ НОЧИ”**

Основным предметом исследования в данной статье являются философские мотивы в произведении В.Ф.Одоевского «Русские ночи», которые, перекрещиваясь с романтическими, мистическими, фольклорными и библейскими мотивами, дают новые мотивные образования.

Ключевые слова: *мотив, новелла романтизм, повесть, сюжет, философский роман.*

О.В. Дмитренко, канд.філолог.наук, доцент

Національний педагогічний університет ім. В.Г.Короленка, Полтава

**Мотивна організація філософського твору В.Ф.Одоєвського
“Русские ночи”**

Главным предметом дослідження у даній статті є філософські мотиви у творі В.Ф. Одоєвського «Русские ночи», які, перехрещуючись з романтичними, містичними, фольклорними та біблійними мотивами, дають нові мотивні утворення.

Ключові слова: *мотив, новела романтизм, повість, сюжет, філософський роман.*

O.W. Dmitrenko, PhD, Professor

Wolodimir Korolenko National University of Poltava, Poltava

**Motive organisation of philosophical story of V.F.Odoevskiy “Russian
nights”**

The main subject of the reaserch is philosophical motives in the story of V.F.Odoevskiy “Russian nights”. Wich mixed with romance, mystic, folklore and bible motives, greate new motive complex.

Key words: *motiv, story, novel, philosophical novel, plot*

В современном литературоведении принято считать “Русские ночи” (1844) “книгой жизни” В.Ф. Одоевского, вершиной его писательской деятельности. Разделяя взгляды исследователей, отметим, что в итоговом произведении заключены важные мысли автора, которые волновали его на протяжении многих лет. По содержанию и объему затрагиваемых проблем, по композиционному построению и жанровой природе “Русские ночи” не имеют аналогов в русской литературе. В.И. Сахаров справедливо заметил, что “книга эта одинока в истории русской литературы, ее просто не с чем сравнить. Это был эксперимент в сфере слияния философских идей и художественного творчества” [1: 231].

В композиционном отношении “Русские ночи” представляют собой цикл новелл, философских монологов и диалогов, сюжетно не связанных между собой, но объединенных общей философской идеей. Одиннадцать разнородных произведений, объединяются в единый цикл ещё и при помощи образов рассказчиков, которые, участвуя в философских диспутах на протяжении девяти ночей, осуществляют решение “задачи жизни” – основной проблемы, поставленной автором.

Исследуя сложную мотивную организацию цикла “Русские ночи”, попытаемся в данной статье выделить и охарактеризовать основные мотивы, находящиеся в тесной взаимосвязи и образующие определенную систему. При этом отметим факт безусловного преобладания философских мотивов, что обусловлено отчасти влиянием шеллингианских идей на философскую направленность “Русских ночей”.

В своей книге автор в художественной форме изложил основные положения учения Шеллинга о мировой душе, об эстетическом начале, которое соединяет предметы с познанием, о единстве конечного и бесконечного, о возможности бесконечного совершенствования человека, об универсальном знании. Согласно учению немецкого философа, высшее начало, Абсолют,

является совокупностью конечного и бесконечного, реального и идеального, всеобщего и индивидуального.

“Русская литература в начале XIX века, – отмечает А.С. Киченко, – поспешно повторяла эволюцию немецкого романтизма, впервые соединившего традиционные творческие идеи с новым философско-эстетическим учением Шеллинга”. Любопытны, одним из ярких представителей которых был В.Ф. Одоевский, “развивали шеллингианскую идею синтеза конечного и бесконечного и усматривали в ней главнейшее предназначение искусства” [2: 84]. Шеллинг понимал искусство как универсальное и абсолютное выражение божества в природе. Таким образом, высокое назначение искусства, потребность в духовном развитии людей, синтез различных наук – все эти идеи, столь характерные для творчества В.Ф. Одоевского, берут свое начало в философии Шеллинга.

Мысль о взаимосвязи всех вещей и явлений, высказанная Шеллингом, получила художественную реализацию во многих образах, созданных В.Ф. Одоевским. Она связана с мистическим понятием кармы. Ответственность человека перед мирозданием, перед Богом за каждую злую мысль, за каждый случайный поступок, как считает автор, неизбежно приводит к возмездию. Нереализованные идеи героя первого произведения цикла «Русские ночи» – Пиранези, его безумные мысли и желания влекут за собой катастрофические последствия – провидение наказывает архитектора за несправедливую жизнь. Зловещие замки, пещеры с цепями, приспособления для казней и пыток мстят своему создателю. Центральные мотивы здесь – мотивы возмездия, кармы, поиска истины, а движущей пружиной в развитии действия новеллы является внутренний конфликт, имеющий трансцендентальный характер.

Герой другой новеллы (“Импровизатор”), поэт Киприяно, стремится обрести способность “производить без труда”. Для этого он идет на сознательный сговор с нечистой силой, не догадываясь о несоответствии своего замысла и полученного результата. В итоге этого он с легкостью, механически сочиняет стихи, превращая творческий акт в ремесло. Н.В. Измайлов

справедливо указывает, что автор обратился к чисто философской проблеме трагедии “все разлагающего аналитического ума, лишенного дара созерцания и творческого синтеза” [3: 321].

Импровизатор в эстетике романтизма – это “художник-творец, балансирующий между конечным и бесконечным. В порывах вдохновения ему ведомо бесконечное, но корысть и работа на публике связывают его с ремесленничеством, конечным” [4: 231]. Используя мотив импровизатора, автор затрагивает важную нравственную проблему: художник, чье творчество зависит от власти и денег сильных мира сего, перестает служить искусству в угоду меркантильным интересам. В.Ф. Одоевский приемлет философское учение Шеллинга, отличающее творение истинного художника от “произведения ремесел”.

В цикле «Русские ночи» присутствует одна сквозная тема, которая с юных лет захватывала все помыслы В.Ф.Одоевского. Это тема музыки. Будучи сам превосходным музыкантом, композитором и талантливым музыкальным критиком, В.Ф. Одоевский посвятил свои лучшие произведения образам гениальных композиторов. В его романтических повестях “Последний квартет Бетховена” (1830) и “Себастьян Бах” (1835), вошедших в цикл “Русские ночи”, мотивы музыки и образы музыкантов сливаются воедино. Музыка, по мнению писателя, — универсальный язык, посредством которого можно выразить то, что не выражается словом. “Она одна, – писал автор, – отвечает нашим недоговоренным словам, одна отводит душу – уносит ее от земной юдоли и ставит лицом к лицу с невыразимым” [5]. Чувство невыразимого, по мнению писателя, “есть высшая ступень души человека”, а “единственный язык сего чувства – музыка”. Музыкальные образы и мотивы музыки играют в произведениях романтиков важную роль и используются для более глубокого раскрытия психологического состояния романтического героя. В.Ф. Одоевский считал, что музыка, способна передать “невыразимое”, то есть самое глубокое в человеке, гораздо лучше, чем литература, живопись или скульптура.

В.Ф. Одоевский в своих новеллах о великих музыкантах продолжает одну из любимых тем русской романтической литературы XIX века – тему трагического одиночества творческой личности, мучительного противоречия между призванием художника и его окружением. В романтически преображенном портрете Бетховена писатель показал двойной конфликт гениального новатора – внутреннее раздвоение его личности и разлад с окружающей средой.

Конфликт с обществом и трагедия творческой личности несколько по-иному раскрыты в новелле “Себастьян Бах”. Автор не акцентирует внимание читателя на фактах его биографии. Он сосредотачивается на характере его музыки, чуждой всему суетному. Перед В.Ф. Одоевским стояла задача – попытаться запечатлеть сложный внутренний мир композитора, раскрыть свое понимание его творческой личности. В этом произведении, как в фокусе, отразились основные мысли писателя о настоящей, высокой музыке. В музыке Баха Одоевский видел “могучее дыхание жизни”, силу и благородство больших человеческих чувств. “Вдохновение, возведенное в степень терпения”, было, по мнению автора, отличительной стороной таланта Баха. Композитор равнодушен к признанию и мнению толпы. У него есть один кумир – музыка, которой он служит. “На него вдохновение не находило порывами; тихим огнем оно горело в душе его. <...> Он везде был верен святыне искусства, и никогда земная мысль, земная страсть не прорывались в его звуки...” [5: 174].

Мотивы, связанные с темой поэта и поэзии, становятся ключевыми в цикле, начиная с “Ночи четвертой”. В рассказах “Бригадир”, “Последнее самоубийство”, отрывках “Бал”, “Мститель”, “Насмешка мертвеца”, “Цецилия” автор рисует общество, лишенное поэтического начала. Повествование построено на слиянии реальных событий и “мистических видений”. Стремительное развитие действия, сгущение красок, метафоричность и взволнованность речи подчеркивают основной пафос рассказов – стремление автора показать изнанку высшего света.

Герой рассказа “Бригадир” показан автором в момент собственных похорон, в минуту “прозрения” перед смертью и глубокого раскаяния в том, что его жизнь прожита бесцельно. Важную роль в данном произведении играет монолог-исповедь покойника, который вспоминает прожитую жизнь и пытается оправдать свою бездеятельность. Он осознает, что провел никчемное существование на земле, не сумел сделать в жизни правильный выбор. Здесь явно звучат мотивы раскаяния, оправдания.

В рассказе доминирует мотив смерти, ведь даже само повествование в нем ведется от имени мертвеца. Понятие “смерть” в романтической культуре определяется как “бытие человеческого духа, антиномичное жизни” [4: 236]. Для романтиков характерно обращение к мистическим мотивам. Следуя мистическим традициям, они считали, что смерть посылается герою как воздаяние за прожитую жизнь. Праведники при этом, приобщаясь к вечной жизни, получают прощение грехов, а грешники должны понести наказание. В “Бригадире” мотив смерти и кармы тесно переплетаются. Мистическим мотивом является мотив оживания мертвеца, часто встречающийся в произведениях В.Ф. Одоевского. Библейский мотив молитвы за спасение души грешника дополняет этот мотивный ряд.

Тему смысла жизни и бездуховности представителей высшего света В.Ф. Одоевский развивает в рассказе “Бал”. В условно-притчевой форме автор дает читателю всестороннюю характеристику морального падения нравов великосветского общества. По мнению А.В. Есина, бал представляет собой “романтический аналог довременного хаоса, бездны, поглощающей индивидуальность”. Это – “мистификация, жертве которой уготованы разочарование и гибель” [4: 226]. Аллегорически-обобщенное действие бала происходит на фоне полученных сообщений о победе армии в военных действиях, в результате которых погибли тысячи людей. Духовно слепые и глухие представители высшего света лишены чувства сострадания, жалости к погибшим и их семьям. Время и пространство в рассказе условны, что

подчеркивает универсальность и масштабность затрагиваемых автором проблем.

При этом В.Ф. Одоевский широко использует символы-контрасты. В рассказе противопоставляются бал и храм, душный воздух зала и свежий воздух перед храмом, утренний благовест и шум разъезжающихся экипажей, тихий голос священника и гром оркестра. Проповедь о любви и высоком созерцании божества, о милосердии к ближнему и забвении обид, о прощении врагам и совершенствовании души осталась не востребованной: “все проехали мимо церкви, и никто не слышал слов священника...” [5: 79]. Образ храма, олицетворяющий собой святость, помогает в реализации еще одной темы – веры и безверия, а также связанных с ними мотивов.

Носителем пафоса “высокого мщения” и “благородной злобы” в рассказе “Мститель” является поэт. Он преследует “образ нравственного чудовища”, мечтая сорвать с него “блистательные покровы” и совершить над ним “очистительную тризну” [5: 79]. Храм Немезиды, к алтарю которого невидимая рука ведет свои жертвы, символизирует неизбежность наказания. Немезида – в греческой мифологии богиня возмездия, карающая за нарушение общественных и моральных норм.

Страдания из-за неразделенной любви и душевную боль автор попытался отобразить в отрывке “Насмешка мертвеца”. Для раскрытия данной темы В.Ф. Одоевский использует ряд важных философских и мистических мотивов. Начиная с первых строк рассказа, отчетливо звучат мотивы жизни и смерти. О том, что мотив смерти является доминирующим в произведении, свидетельствует его название. Вариантами мотива смерти в рассказе являются гроб, мертвец, могила, кости, череп, труп, потоп, образующие данный мотивный ряд.

Вода в романтизме символизирует движение, изменение мира. В данном сюжете мотив разбушевавшейся водной стихии созвучен библейскому мотиву Всемирного потопа. Автор использует наводнение в качестве орудия возмездия за поруганные обществом добродетели. Мотив потопа, один из ключевых в

развитии сюжета, сопряжен в рассказе с мотивом страха, который усугубляет изображение зловещего действия воды.

Оставаясь верным романтическому сознанию, В.Ф. Одоевский в отрывке “Цецилия” предлагает единственный выход из “духовного смрада” – гармонию сердца и ума, мысли и чувства, которые открываются человеку посредством искусства. Мир совершенной красоты и поэзии противопоставлен автором пошлому миру, лишенному высоких духовных устремлений. Автор вкладывает в уста рассказчика важные вопросы: “Кто же успокоит стон мой? Кто даст разум сердцу? Кто даст слово духу?”. Ответ на поставленные вопросы он находит в храме святой Цецилии, где “все ликовало; лучи заходящего солнца огненным водометом лились на образ покровительницы гармонии, звучали ее золотые органы и, полные любви, звуки радужными кругами разносились по храму...” [5: 94]. В образе Цецилии автор воплотил лучшие добродетели – святость, красоту и добро. В небольшом по объему произведении, напоминающем стихотворение в прозе, можно выделить мотивы искусства, гармонии, храма, цели жизни.

Если в рассказах “Бригадир” и “Насмешка мертвеца” речь идет о смерти отдельных людей, то в антиутопиях “Последнее самоубийство” и “Город без имени”, входящих в цикл “Русские ночи”, автор показывает гибель целых цивилизаций. Эти произведения по своему колориту и настроению носят апокалипсический характер. В.Ф. Одоевский воссоздал в них трагические последствия “материального просвещения”. Антиутопии содержат серьезные предупреждения о катастрофических перспективах будущего, лишенного духовных ценностей. Смысл предупреждения адресован обществу, в котором эти ценности заменены принципами материальной пользы. С мотивом пользы сочетается мотив и образ города, с которым романтики связывали разрушительное начало. Негативное отношение автора к образу безнравственного города подчеркивается в названии произведения – “Город без имени”.

Ключевым мотивом в новеллах является устойчивый антиромантический мотив пользы. Польза в эстетике романтизма противопоставлена “бесконечному искусству, деятельности вдохновенного созерцателя” [4: 235]. Используя фантастический сюжет, писатель продемонстрировал, как последовательное соблюдение принципа пользы неотвратимо ведет к духовному, экономическому и социальному упадку.

Глубоко символическим является название цикла “Русские ночи”. В.Ф. Одоевский не случайно избрал в качестве фона, на котором ведутся философские беседы, ночь. Ночь обычно воспринимается как время глубоких раздумий о смысле жизни, о назначении человека, как “время приобщения к божественной любви и божественному слову” [4: 235]. Ночь – это то время, когда “полнее и глубже постигаются тайны человеческие и тайны мироздания”, – пишет Е.А. Маймин [6: 262]. Это – пора наиболее глубокого осмысления своего “Я” во Вселенной.

Антитезой мотиву и образу ночи в произведении служит “символ вечного света” – солнце. Если ночь отождествляется с периодом поиска истины, недовольства собой, то солнце олицетворяет благосклонность к человеку, ту гармонию, которая есть “и свет, и тепло, будто жилище души” [5: 55]. Бесконечная смена времен суток, восхитительные закаты и рассветы, передающие “эстафету дня” от одной части жителей к другой, символизируют вечное стремление человека к истине.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сахаров В.И. Сеятель мыслей // В.И.Сахаров. Под сенью дружных муз. – М. : Художественная литература, 1984. – С.203 – 255.
2. Киченко А.С. Молодой Гоголь. – Черкассы : ЧНУ, 2004. – 190 с.
3. Измайлов Н.В. Пушкин и В.Ф. Одоевский // Н.В. Измайлов. Очерки творчества Пушкина. – Л. : Наука, 1976. – С.303 – 325.

4. Есин А.В. Принципы и приемы анализа литературного произведения / Учебное пособие. – М. : Флинта, 2003. – 248 с.
5. Одоевский В.Ф. Повести и рассказы // В.Ф.Одоевский. – Сочинения в 2 Томах. – Т.1. – М. : Художественная литература, 1981. – 365 с.
6. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман “Русский ночи” // Одоевский В.Ф. “Русские ночи”. – Л. : Наука, 1975. – С.247 – 275.